

НАДЕЖДА МЕЛЕШКО

у т р о
наступает
всегда

Книга Надежды

Надежда Мелешко
Книга Надежды.
Утро наступает всегда
Серия «Быть женщиной»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69526534

Книга Надежды. Утро наступает всегда:

ISBN 978-5-4470-0619-8

Аннотация

Когда фотограф и популярный блогер Надежда Мелешко столкнулась с серьезным диагнозом, ей было 32 года. 50 процедур химиотерапии и приговор врачей не сломили хрупкую молодую женщину, мать двоих детей. Автор честно и искренне рассказывает о том, что пережила и продолжает переживать, о своих чувствах и страхах. Это светлая книга о ценности жизни и о важности каждого момента.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Надежда Мелешко

Книга Надежды.

Утро наступает всегда

© Мелешко Н., текст, 2023

© Оформление обложки, АО «Издательский дом «Комсомольская правда», 2023

Предисловие

Здравствуйте!

Меня зовут Надя. У меня рак.

Обещаю, что буду честной с вами с самой первой строчки этой книги. Я совсем не уверена, что успею дописать ее до конца или дождаться публикации, потому что с какого-то момента в моей жизни больше нет никаких гарантий. На самом деле их ни у кого нет. Раньше я жила и была уверена, что у меня еще очень много времени впереди и что я могу все спланировать на ближайшие двадцать лет.

Дети, муж, собака, уютный дом, друзья, школа и детский

сад, любимый сериал, поездки в отпуск всей семьей – у меня была прекрасная жизнь, и за нее я благодарна. Увы, рутина притупляет ощущение ценности жизни. И вот уже не фокусируешься на отдельных моментах – они ведь все так похожи, – и непременно нужно сделать что-то еще, чтобы стать наконец счастливой. Кажется, что так будет всегда, что ты будешь жить вечно, что ничего не случится...

Сегодня ни один врач не может сказать мне, сколько еще я проживу. Но правда в том, что сказать этого он не может никому, в том числе мне прежней и здоровой. Это очень отрезвляющая мысль!

Когда я осознала, что ни у кого нет никаких гарантий на завтрашний день, я словно проснулась и начала видеть мир таким, какой он есть.

Рак не самая приятная история, но, на удивление, сейчас я максимально счастлива. Не просто живу как все или как раньше, а замечаю все удивительное, что происходит вокруг меня. У меня есть ноги и руки, я могу бегать, танцевать, рисовать, обнимать – и это настоящее чудо. У меня есть глаза и уши, и я вижу этот прекрасный мир, слышу слова любви. Просто задумайтесь: в жизни нет ничего само собой разумеющегося. Все, что у вас есть, – это дар и чудо. Важно лишь вспомнить об этом. Мне, чтобы постичь эту простую мысль до самой ее глубины, пришлось заболеть...

Несмотря на то, что книга о раке и жизни с этим сложным диагнозом, она прежде всего о счастье. Настоящем, глубоко-

ком, не зависящем ни от чего внешнего и переменного. О том счастье, которое каждый может найти в сердце прямо сейчас.

Я хочу, чтобы, открывая мою книгу в любой момент, вы находили в ней силу и источник вдохновения ЖИТЬ. Жить чудесную, счастливую, качественную жизнь прямо сейчас!

Глава первая

Неправильная девочка

Папа ждал мальчика, а родилась я. Девочка Надя. Возможно, из-за того, что папа хотел сына, я оказалась полной противоположностью старшей сестре Ане. Она в детстве была послушной отличницей, умницей, тогда как я – сущей проказницей. На все у меня было свое мнение, обычно не совпадавшее с мнением взрослых. В школе мне было скучно, училась я без особого старания и рвения.

Мама рассказывала, что, когда я появилась, папа пил неделю. Родители не делали УЗИ, чтобы узнать пол будущего ребенка, в то время его мало где делали, поэтому в день родов семью всегда ждал сюрприз.

Мне было обидно: «Как можно хотеть мальчика, если есть я?» Даже у мамы спрашивала, кого хотела она. И мама признавалась: «Девочку, мне с ними легче, понятнее. А мальчики – ну что с ними делать, их не поймешь».

Новополоцк, где я родилась, – рабочий городок в Беларуси. Пили здесь почти все мужчины. А те, кто вел трезвый образ жизни, автоматически приравнялись к идеалу, правда таких были единицы.

Мама работала учителем в школе, любила контролировать, ей нравилось, чтобы все было правильно, «как у людей», а папа трудился слесарем. Золотые руки, душа нараспашку, никому никогда не отказывал в помощи, а люди благодарили его бутылкой водки... Обычная история для Новополоцка и тысячи других небольших городов. Вечером папа приходил домой навеселе, и между родителями начинались

ссоры и выяснения отношений. К утру папа трезвел и обещал маме, что больше ни-ни, но снова и снова нарушал данное слово.

Каждый день я видела одно и то же, и это приводило меня в ужас: папа выпивший, мама в отчаянии, кричит, ругается, взывает к совести и призывает к раскаянию. «Миша, ты же обещал!» Я была всему этому невольным свидетелем. И мне было больно! Я злилась на папу, что он обидел маму. Злилась на маму, что она с таким пылом всегда реагирует, словно это произошло впервые. Металась между ними. Жалела обоих до слез. Но желание возникало одно – уйти из дома, потому что в этом виделось единственное спасение.

Папа никогда не был буйным или агрессивным, наоборот, пьяный становился добрым, просил сыграть на пианино, спеть его любимые песни, давал из своей небольшой зарплаты какие-то деньги в мою личную копилку. Никогда не бил и не унижал нас. Помню, как сильно папа меня любил и как я страдала, что он не способен побороть слабость, свою зависимость, которая отравляла жизнь всей семье.

Мне было немного лет, но уже тогда я поняла: мама не сможет изменить ситуацию, изо дня в день продолжая совершать одни и те же действия. Отчитывать, стыдить, ругать. Но она делала что могла и как могла. Меня медленно убивало то, сколько своей души она тратила на эти выяснения и скандалы. Каждый. Божий. День. Вспыхивала, плакала, негодовала, страдала. Изводила себя, но не знала, что изменить.

Забавно, что мы с сестрой вспоминаем папу как двух совершенно разных людей. Она помнит трезвого, заботливого, внимательного, идеального отца. А я – пьяного, растерянного, извиняющегося, потерянного, который словно выпал за борт; он был каким-то нескладным, не мог стать достойным примером родителя и мужчины. Грустно.

Сейчас я взрослая, у меня своя семья – муж и двое детей. Но до сих пор, если Дима выпивает пару кружек пива, меня начинает трясти, я злюсь и нервничаю. Это мой триггер, ведь я с детства знала, что мой мужчина пить не будет. Никогда. Приходится прорабатывать эту проблему: я понимаю, что муж имеет полное право немного выпить в праздник или иногда за ужином. Но в эти моменты я легко могу потерять здравый смысл и провалиться в свою старую боль, которую вроде и заклеила уже пластырем времени, но болит все равно.

Хотела бы я другую жизнь, другого папу или не такую маму? Никогда. Ни за что. Я люблю их безумно, и они меня в детстве любили – как умели. И любят сейчас. Благодаря им я такая, какая есть. Верю, что дети не случайно выбирают себе родителей. Каждый из нас должен получить и усвоить свои уроки. Я благодарна, что мне это удалось.

Однажды я задала маме смелый и, может, даже неуместный вопрос: почему она с ним, если так несчастлива. Ее ответ поразил в самое сердце и многое перевернул в моей голове...

Мне стыдно, что я так сказала, но сделайте скидку: я каждый день была свидетелем ссор, маминых слез из-за папиного пьянства и слушала ее мольбы все это прекратить.

Мама изумленно посмотрела на меня и спросила: «А с чего ты взяла, что я с папой несчастлива?!» Увидев мою удивленную реакцию, она добавила: «Я люблю твоего папу и счастлива с ним. Да, у него есть слабость, но по своей сути он добрый, честный и нас так сильно любит». Папа и правда нас любил и продолжает любить, я это знаю. Но тогда мне хотелось маму спасти. От ее не оправдавшихся ожиданий и разбитого сердца.

Может, это и есть настоящая любовь? В болезни и в здравии... Любить идеальных, веселых, здоровых родных легко, а найти в сердце милосердие, терпимость, принять их слабости и изъяны и держаться за все лучшее, что есть в человеке, – настоящий дар.

Мама и сама не подозревает, какой ценный урок преподнесла мне тогда. Я вспоминаю его всякий раз, когда злюсь на мужа, – и остываю. А потом думаю, что и он любит меня, несмотря на болезнь, лысую голову, порой ужасное самочувствие, неспособность больше родить ему детей. И у меня по щекам текут слезы радости от осознания, что настоящая любовь – всегда вопреки.

Вот только с любовью к себе у меня долгие годы была очень болезненная история.

Мне было семь, и в сентябре меня ждал первый класс.

Волнующе! Я уже знала, что мама купила белые ленты, красивый фартук и школьную форму. Так отчетливо представляла, какая красивая и нарядная пойду на линейку, как у меня появятся новые подружки и я стану совсем взрослая. Но пока было лето, бабушкин дом в деревне, речка, огород и свобода. Я бегала босиком по траве, хрустела редиской, рвала ягоды с куста и складывала сразу в рот. А еще возилась с бездомными котятками. Я их кормила, нянчила и целовала в мокрые носы. Однажды мне попался котенок с лишаем. Мне сразу показалось, что он отличается от других – какая-то у него была редкая шерстка и пятна-лысины. Его мне было особенно жалко, и я обнимала его крепче других, не спускала с рук. Когда у меня на груди появилось пятно, мама заявила: «Это лишай». Слово-то какое смешное: лишай. Мне было непонятно, но сильно чесалось. Противная болезнь разрасталась на теле, как карта мира, и в конце концов распространилась на голову.

Родители перестраховались и побрили меня наголо. Так и надежнее, и лечить легче. Я же смиренно думала: «Надо – значит, надо». Меня положили в больницу и усиленно лечили, чтобы к первому сентября я была полностью здорова. Но лечение затянулось, и на учебу я пришла только в середине сентября.

Идти в школу пришлось в косынке. Мама велела: «Говори всем, что у тебя ушки болят». Но я совершенная простофиля, врать не умела вообще и в первый же день раскололась. В

косынке было неудобно, она сползала и мешалась, поэтому я ее сняла.

Реакция класса походила на ледяной душ. Все сначала застыли, потом начали хихикать. Я стала словно диковинная зверюшка: ребята из параллельных классов тыкали в меня, переглядывались, а старшеклассники приходили на наш этаж, чтобы посоревноваться, чья насмешка прозвучит обиднее. Было невыносимо горько и одиноко. У одноклассников я вызывала смесь жалости и смеха. Однажды в классе устроили конкурс, кто самая красивая девочка, голосовать должны были мальчики. Меня выбрал лишь один, и то чтобы сказать: «А я голосовал за Надьку Корнилович». Класс снова наполнился истерическим смехом.

Дома я беззвучно плакала в подушку, дрожа всем телом. Никто не мог меня защитить, никто не понимал масштабов трагедии. Горькая маленькая лысая беспомощная девочка, которая под бой курантов всегда загадывала одно и то же: стать красивой.

Волосы росли очень медленно, как заколдованные, поэтому хоть какой-то, более-менее сносной, шевелюрой я обзавелась только к третьему классу.

Приходили новенькие, и они видели уже совсем другую девочку: миловидное лицо, аккуратные черты, веселый характер и добрые глаза. Лишь тогда захотелось расправить плечи, и я стала понимать, что вовсе не дурнушка.

Тогда, в свои семь, я не знала, что это была лишь

репетиция и лысая голова вернется в мою жизнь.

С детства во мне крепко засела мысль, что я некрасивая и поэтому одинокая. Быть семилеткой и пережить такой опыт оказалось непросто: те ощущения пустили корни очень глубоко, проросли и стали частью меня. Лысой была не только маленькая голова в семь лет, «лысой» стала вся самооценка в целом. Долго-долго она была похожа на жалкого ошипанного цыпленка.

В 6–7-м классах мальчики наконец заметили, что я, оказывается, симпатичная. Начали звать меня на свидания. Я становилась увереннее, начинала улыбаться, но боль внутри никуда не делась. Возможно, поэтому у меня было отчаянное желание всегда выглядеть безупречно и женственно. Носить красивые платья, модные туфли, иметь длинные волосы и самую широкую улыбку.

Заболев раком и потеряв волосы снова, как в далекие семь лет, я попала к психологу. Мы пробовали интересный метод: исцеление воспоминанием Жильбера Рено. Вы садитесь, расслабляетесь, закрываете глаза и проговариваете свое состояние в настоящем моменте. Помню, что сказала: «Мне холодно, одиноко и страшно». Психолог сказал: «Вспомни ситуацию из детства, когда ты чувствовала себя так же». Подсознание моментально дает правильный ответ, но, если долго думать и анализировать, подключается сознание, а оно в этом методе не нужно.

Так что, не задумываясь, я ответила: «Иду в первый класс

с лысой головой». Вот когда мне было настолько же страшно и одиноко. Нужно было вернуться в воспоминаниях туда, снова стать маленькой, вспомнить всю боль, чтобы отцепить этот крючок, принять себя и проработать историю.

Я представила, как беру на руки Надю с лысой головой, которой была, прижимаю к себе, тысячу раз повторяю ей, что она все равно красивая, необычная, особенная. Вместе мы поплакали и отпустили нашу общую боль.

В тот момент я осознала две важные вещи. Во-первых, что красота не измеряется волосами, вообще ничем внешним. Во-вторых, что психотерапия отлично работает. И пожалела, что попала к психологу так поздно. Идти к психотерапевту нужно не только, когда у тебя рак. Практически у всех есть детские и взрослые травмы, страхи, психологические проблемы, которые мешают жить. Но многие привыкают, даже если болит. Хотя все можно проработать и стать свободным.

Болезнь показала, сколько осколков, ненужных болезненных воспоминаний сидит внутри. Они сделали меня такой, какая я есть. Но дальше нам не по пути.

Глава вторая

Моя опора

Если я попрошу вас вспомнить самый счастливый момент из детства, сможете? Закройте глаза и представьте... Что вы чувствовали, как это было, кто был рядом? Мне приятно думать, что вы ухватите это волшебное ощущение и дальше

будете читать главу уже с ним.

Мое самое счастливое воспоминание – как мы с родителями ездили за грибами. Сначала нужно было плыть на лодке, и это уже было целое приключение! Мы загружали на борт ведра, «вооружались» ножами, резиновыми сапогами и радостным предвкушением.

Вы даже не представляете, как профессионально я умела отыскивать боровики! Это была моя суперсила. Мы бродили по лесу, никуда не торопясь. Мне нравился звук шуршавших под ногами сухих листьев и аромат прелой земли после дождя. Я знала, что ни в коем случае нельзя разорять муравейники и лучше обходить их стороной, чтобы муравьи не покусали. Лес был огромным сказочным добрым миром, где я знала все тропинки и тайные грибные места.

Если вы в детстве собирали грибы, то, конечно, помните восторг, когда замечаешь ярко-коричневую или красноватую шляпку издали и бежишь к ней, сердце колотится, адреналин зашкаливает. Срезаешь аккуратно плотную, мясистую белую ножку и кричишь: «Мама, мама, смотри!» Мама улыбается, у нее из-под косынки выбилась прядка, к плечу прилипла паутина, но в этот момент она самая красивая.

– Доченька, ну какая ты у меня умница, нашла белый гриб!

И каждый раз решали: этот боровик засушим, а вот этот – поджарим с картошкой.

Мамины глаза, ее похвала и поддержка окрыляли меня, я

была готова обежать кругом весь лес, чтобы найти все грибы, лишь бы она говорила добрые слова еще и еще.

А когда мы плыли на лодке обратно, я снимала резиновые сапоги и опускала ноги в холодную воду, шумно выдыхала от восторга и гордости за себя. Глаз-алмаз как-никак, добычица, главный грибник!

Очень хотелось пить, но маленькие ладошки вмещали совсем немного воды, и я никак не могла напиться. Тогда случалось второе счастливое воспоминание: папа набирал в свои огромные ладони студеной воды из озера и давал мне напиться прямо из рук. Вкуснее той воды я, наверное, ничего не пила до сих пор...

Вообще, в нашей семье не принято было раздавать комплименты или хвалить. Считалось, что этим детей только испортишь, избалуешь. Например, если я крутилась перед зеркалом, папа мне говорил: «Ну обезья-я-я-на!» Но так тепло и забавно он это произносил, такие у него были при этом глаза, что я точно понимала: отец мной восхищается. Или мама бросала между делом: «Ну, Надя точно в мою родню!» И я тоже знала: это комплимент, я нравлюсь родителям, со мной все в порядке. А вот так чтобы напрямую сказали: «Надя, какая ты у нас красавица!» – нет, никогда. Но они растили меня так, как умели. Любили всем сердцем и отдавали все, что могли, я это знала и чувствовала.

Именно благодаря такому воспитанию я поняла, как буду растить своих детей, какие хочу с ними отношения. Я хва-

лю их за все. Верю, что любовью и поддержкой испортить ребенка нельзя. Портят совершенно другие вещи: потакание всем капризам, полная безотказность в материальном плане, тогда как любовь и доброе слово, ощущение опоры, знание, что с ним все в порядке, может дать крылья.

С детства мне не хватало одобрения от родителей. Именно поэтому я с пятеркой по математике бежала первым делом к маме на работу, чтобы ее порадовать. Да и училась как будто не для интереса, а чтобы похвалили.

Знаю, что родители сожгли в печке мой дневник, когда я уже закончила учебу, – он не был дневником отличницы, там и тройки «позорные» проскакивали, и это в семье, где у всех были золотые медали и красные дипломы.

Все это переехало со мной во взрослую жизнь. Я искала одобрения других людей во всем, что бы ни делала, мне было необходимо, чтобы все заметили меня и похвалили. Тогда маленькая девочка внутри ликовала, хлопала в ладоши и была готова сворачивать горы.

Я выросла и поняла, почему так любила собирать грибы. Мамины глаза, полные восхищения, были высшим даром и настоящим чудом.

В этой жизни мы по большому счету одиноки: приходим одни и уйдем одни, вот никого не сможем взять за руку, уходя. И много ситуаций, с которыми мы должны справиться сами. Поддержка близких, теплые слова, объятия любимых – это все важно, но никто никогда не примерит твою кожу на

себя. Именно в эти моменты как никогда важен внутренний голос: ты справишься, ты сможешь, ты победишь. Ведь голос этот – самый сильный, самый честный, верно?

И я уверена, внутренний голос говорит голосом наших родителей. Чем больше поддержки было в детстве, тем убедительнее и сильнее твой внутренний собеседник.

Когда ты в буквальном смысле ударяешься лбом о смертельный диагноз, сильно подсвечивается то, что ты сам о себе думаешь, насколько в себя веришь. И если всю жизнь ты не получал достаточной опоры и поддержки в семье, тебе предстоит большая работа со своим сознанием. Мне она предстояла, и это, возможно, лучшее, что произошло со мной.

Глава третья

Мамин рак

Знаете, раньше говорить о раке было стыдно и страшно. Словно это проказа, порок, от которого никому не спастись. В нашей семье никто не болел, но рак всегда приходит как гроза в ясный летний день.

Мне было шестнадцать, я уже переехала в Минск, чтобы учиться в колледже. Снимала комнату, много занималась, знакомилась с новыми людьми – словом, у меня начиналась настоящая взрослая независимая жизнь. Я ею наслаждалась и сама принимала решения. Как-то все очень складно крутилось и получалось.

Тот телефонный звонок не забуду никогда. Был совершенно обычный день, когда я увидела на экране: Аня. Звонила старшая сестра. Наверное, подумала я, чтобы рассказать о домашних делах.

– Надюш, тут такое дело, у мамы рак, – металлическим и придушенным голосом проговорила Аня.

– Как рак? Какой рак?

Глупые, несуразные вопросы посыпались один за другим. «Мама» и «болезнь» были несовместимыми понятиями для меня. Это ошибка, наверное, думала я.

Я хватала ртом воздух и не верила тому, что слышу.

– Рак чего, Аня?

– По-женски.

Это слово – «по-женски» – преследовало меня потом постоянно. Я много лет не знала, каким видом рака болела мама, строила в голове догадки, но не лезла к ней с расспроса-

ми.

Конечно, новость стала для шестнадцатилетней меня ударом, я была далеко от Новополюцка и терзалась, не зная, как помочь маме.

К счастью, рядом с ней всегда была моя сестра, которая все-все взяла на себя: походы к врачам и на анализы, обследования, восстановление после химиотерапии. Тогда мне казалось: даже лучше, что я не рядом, наверное, а то сошла бы с ума, видя, как маме плохо, что она переживает, как боится и тает на глазах.

Я слишком ранима, воспринимаю все близко к сердцу. Это и сейчас нигде не ушло, но я научилась с этим жить и принимать это достойно, а тогда юношеский максимализм и животный страх за маму измучили меня.

Всем было страшно. Мы не понимали, чего ждать, есть ли надежда. Друзья говорили: «Ты же понимаешь, что мама умрет? Ты должна быть готова к этому». А я, округлив глаза, спрашивала: «Да с чего вы это взяли?! У нее все будет хорошо!»

Правда в том, что я не знала, будет или нет. Прогнозов нам не давал никто.

Наступил Новый год, и мы все собрались в Новополюцке. Я боялась зайти в квартиру, увидеть маму, расплакаться, показать ей ужас в глазах. Наконец сделала глубокий вдох. Вошла.

Она стояла маленькая, в косынке, без волос, бровей и рес-

ниц, вся прозрачная, с кожей синеватого цвета. Не знаю, как я удержалась от слез.

Мы провожали старый год, шутили, строили планы и изо всех сил избегали страшной темы. Понимаю, что это было неправильно. Поговорить с близкими, услышать их мнение, веру в тебя, слова поддержки – самое ценное. Мама изменилась, была словно внутри себя, сосредоточенная и поникшая.

Зайдя на кухню, я увидела кучу банок с вытяжками грибов, какие-то травы, сборы. Мама стала по-другому питаться, и я подумала, что могу привозить самые качественные продукты, чтобы она поправлялась. Ее любимые груши, полезные гранаты, мясо, рыбу – если я могу хотя бы это, мне уже станет легче, что я сделала что-то, а не сидела сложа руки.

В день, когда врачи объявили о ремиссии, мы плакали. Но мама по-прежнему оставалась застывшей, не проявила никаких эмоций. Ей все еще было страшно.

Это было 14 октября, в православный праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Для нас это стало благостью. Мама много молилась и всю жизнь ходила в храм, потому что искренне верила, что Бог ей поможет.

Помню, как она искала сил у природы, приезжала в лес и долго гуляла среди деревьев. Мама научила меня обнимать осину, чтобы та забрала все плохое, а потом березу, чтобы напиться счастьем и энергией. Я до сих пор обнимаю де-

ревья и знаю, что это помогает.

Сила человеческого сознания огромна, мы можем не понимать всей ее мощи и целительности. Я видела, как мама интуитивно делала какие-то вещи и верила в них безоговорочно. Тогда было почти невозможно найти информацию о раке, не так, как сейчас, и мама выписывала журнал «Здоровье», где иногда выходили статьи по онкологии. Вырезки из этого журнала она присылает мне до сих пор. Я знаю, что почти вся информация устарела, но такая трогательная забота добавляет энергии для борьбы и стойкости.

Еще пять долгих лет мы жили в страхе, что рак вернется. Это стандартный срок, когда человек продолжает проходить обследования, потому что велик риск рецидива. Все обошлось. Мама жива и рядом с нами.

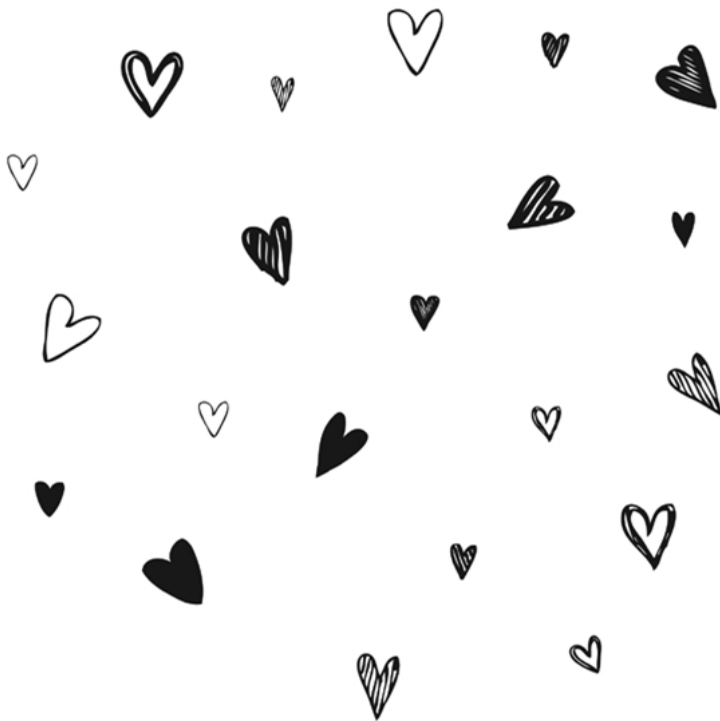
Лишь спустя много лет я узнала, что «по-женски» – это рак яичников. Узнала, когда заболела сама и стало ясно, что это генетическая предрасположенность и риск болезни был огромным всегда.

Говорите о раке, не замалчивайте проблемы, нет здесь ничего стыдного, а вот шанс защитить близких есть всегда.

Эта история постепенно стала прошлым, как и все в жизни, она покрылась пылью времени, поблекла. И закрутилась моя взрослая жизнь.

Глава четвертая

Жизнь ДО

Я рано вышла замуж. Стрелы Амура попали в сердце, когда мне было всего восемнадцать. Помню, как мы встрети-

лись: это была вечеринка у общих знакомых. Он, кажется, влюбился сразу и бесповоротно, приглашал танцевать, оказывал знаки внимания, но я вела себя неприступно.

На тот момент я была в отношениях, а я девушка принципиальная, поэтому сразу дала понять, что ничего между нами быть не может. Где-то в сознании тем не менее отложилось, что парень, похоже, хороший.

Много говорят о любви с первого взгляда, но я влюбилась только со второго. Мы встретились снова примерно полгода спустя. Ночной клуб, танцы, веселье. И он. Я не забуду его взгляд, от которого пропала, кажется, навсегда. Полюбила так сильно, как не любила до этого.

С того вечера мы уже не расставались. Я не могла устоять перед Димиными ухаживаниями, он был ласковым, обходительным, добрым, внимательным. Звонил каждый день, не давая усомниться, как сильно я ему нужна. Виделись мы тоже ежедневно, у него был перерыв в тренировках, и все свободное время он посвящал мне. Мы проросли друг в друга как травинки, не могли долго быть порознь.

Тогда Дима был хоккеистом белорусского клуба, получал среднестатистическую зарплату, и особого карьерного роста у него не предвиделось. Когда ему предложили выгодный контракт в России, он собирался отказаться, чтобы остаться вместе со мной. А это была и другая лига, другие деньги...

Свой рост и перспективы этот мужчина был готов променять на наши отношения.

Я уговорила его поехать, а чуть позже прилетела к нему сама. Кажется – а может, просто приятно так думать, – я стала для него стимулом, ради которого хотелось еще больше стараться, лучше показать себя, чтобы я им гордилась и восхищалась. Он говорил, что у него выросли крылья и ради меня ему хочется забивать все больше и больше голов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.